

0620

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Инди Брок

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС НА СЧАСТЬЕ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Энди Брок

Последний шанс на счастье

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Брок Э.

Последний шанс на счастье / Э. Брок — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06741-8

Шарлотта и Рафаэль были идеальной парой. Он – красавец граф, обаятельный, умный, заботливый. Она – само совершенство, настоящая женщина: понимающая, ласковая. Но семейная жизнь окончилась катастрофой – их единственная дочь погибла, едва родившись. После этого они расстались – казалось, навсегда. Но судьба дает им последний шанс на счастье...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06741-8

© Брок Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Энди Брок

Последний шанс на счастье

The Last Heir of Monterrato

© 2015 by Andie Brock «Последний шанс на счастье»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Увидев шрам, Лотти застыла в дверях. Тонкий и бледный, он пересекал лоб, спускался к глазнице и продолжался сразу под ней еще на дюйм. От этого зрелища Лотти ощутила спазм в желудке, а ноги словно прилипли к полу.

– Рафаэль?

Какое-то время они сверлили друг друга взглядом, и в темном кабинете повисла напряженная тишина.

– Шарлотта.

– Ну... как ты?

– Жив пока, – холодно ответил он. – Как видишь.

– Да, и впрямь. – Лотти слотнула слюну. Вот он, стоит перед ней, вцепившись пальцами в столешницу. – Мне очень жаль... Я о несчастном случае.

– Спасибо. – Краткий ответ явно говорил о том, что с сочувствием лучше больше не лезть.

Он вышел из-за стола и направился напрямиком к Лотти – высокий и стройный, в строгом сером костюме последнего наследника Монтеррато. Секунду они стояли друг напротив друга, пока Рафаэль не наклонился и не царапнул ее щетиной по щеке, изображая приветственный поцелуй. Лотти закрыла глаза, прислушиваясь к его дыханию, к прикосновению его кожи. К нему.

После этого Рафаэль сделал шаг в сторону, предоставив ей возможность как следует рассмотреть его раны. Царапины разной длины и глубины пересекали его лицо, а с одной стороны переливался лиловый синяк. Шрам напоминал след от удара хлыстом.

– Так... твоё лицо... Вижу, все раны поверхностные?

– Верно.

– А все остальное? – Под его нервующим взглядом она покраснела. А ведь так старалась казаться бесстрашной. Лотти откашлялась: – Я имею в виду, есть ли еще травмы?

– Все, как и должно быть у человека, шлепнувшегося оземь с высоты двенадцати тысяч футов.

– Ну, конечно. – Лотти скривилась от того, как глупо прозвучал ее вопрос. Сколько людей упало с подобной высоты и выжило, чтобы рассказать об этом? – Выяснилось, что именно... пошло не так? Почему не раскрылся твой парашют?

– Невезение, злой рок – называй, как тебе больше нравится. – Рафаэль пожал плечами, словно ему наскучил этот разговор. – Сейчас это не имеет никакого значения.

– Да, наверное. – И все же Лотти была уверена – несмотря на кажущуюся небрежность его тона, инцидент был тщательно расследован. И если виновные найдены, то им всерьез стоит опасаться за собственную жизнь. – Но ты, как выяснилось, родился в рубашке.

– Да ну?

– Я имею в виду, что твоё падение прервало вовремя подвернувшееся дерево. Могло бы быть гораздо хуже.

– И правда. Я мог бы сейчас быть трупом.

– Ха! – И почему она смеется? Ничего забавного. Пытка какая-то.

Естественно, она подготовилась, отрепетировала даже, как будет себя вести, что будет говорить, когда встретится с Рафаэлем. В самолете по пути сюда она снова и снова повторяла свои предполагаемые ответы, удивляя девятилетнего соседа непрерывающимся подергиванием губ.

Она убедила себя, что готова. Что она справится – переживет эту последнюю встречу. Но сейчас, когда она смотрела на него – мужчину, которого так безумно любила когда-то, вся ее

уверенность испарилась. Она помнила малейшие черточки его лица. Густые брови вразлет над миндалевидными, глубоко посаженными карими глазами. Резкую линию квадратного подбородка с маленькой ямкой посередине, темной от щетины.

– Что ж, хвала небесам за это дерево, да? – Она поменяла позу, скрестив ноги, как балерина. – Я так рада, что оно росло в правильном месте.

Рафаэль презрительно скривил губы:

– Как мило, что тебе не все равно.

Однако эта фраза прозвучала совсем не мило – отнюдь. Все в этой холодной, саркастической манере речи – жесткий взгляд, подчеркнуто официальная манера общения – все говорило об одном: он ее ненавидит.

Если Люси надеялась, что время смыло недоразумения прошлого, сгладило острые углы, она жестоко заблуждалась. Прошло два года с момента ее отъезда – с тех пор как после крушения их брака она сбежала в Англию. Но, вновь вернувшись в палаццо Монтеррато и глядя на Рафаэля, Лотти понимала, что эти два года ничего не изменили. Атмосфера между ними накалена почти так же, как и в тот день, когда она уехала.

– Конечно же мне не все равно. И никогда не будет все равно.

– Очень трогательно. – Слова Рафаэля оборвали ее робкое признание. – Но твоё неуместное сочувствие мне совсем неинтересно. Ты здесь потому, что мне надо обсудить с тобой кое-что важное. Сядь, пожалуйста.

Лотти присела напротив, сцепив руки в замок и держа спину очень прямо. Она знала, что сейчас произойдет.

В обычный рабочий день она открыла свою почту и обнаружила там послание от Рафаэля Ривальди. От неожиданности ее охватила паника. Пришлось досчитать до трех, прежде чем она осмелилась открыть письмо, глядя при этом на единственную пару, находившуюся в этот момент в престижной лондонской картинной галерее. Это были два перешептывающихся гея, восхищавшихся огромным полотном, которое никогда бы не купили. Заметили ли они ее беспокойство?

В кратком ультимативном сообщении говорилось, что им необходимо встретиться в одну из двух предложенных дат на следующей неделе. Как только она примет решение, ей будет выслан авиабилет. Все было очевидно – он хочет развод.

Лотти заставила себя посмотреть Рафаэлю в глаза, стараясь оставаться максимально спокойной внешне, – сейчас она должна быть сильной.

– Я знаю, зачем я здесь. Позволь мне уверить тебя, я так же сильно мечтаю поскорее покончить с этим, как и ты.

В глазах Рафаэля блеснул опасный огонек. Но он промолчал.

– Если бумаги уже готовы и осталось только поставить подпись, я могу сделать это прямо сейчас.

– Позволь мне прервать тебя, Шарлотта. – Вытянув руку вперед, он заставил ее замолчать. – Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– О разводе конечно же. – Едва она произнесла это слово, ее щеки покрылись румянцем. – Я здесь потому, что ты хочешь развестись.

Рафаэль наклонился вперед, тонкая ткань пиджака натянулась на его широких плечах.

– И что заставило тебя сделать такой вывод?

Лотти потупилась:

– Прошло два года. – С трудом взяв себя в руки, она заставила себя снова посмотреть в глаза Рафаэлю. – А два года по закону – тот самый срок, когда можно оформлять развод по взаимному согласию.

– Поверь мне, если бы я хотел развода, я бы давно получил его.

Лотти пристально посмотрела на Рафаэля – такого холодного и угрюмого. Шрамы на лице только усугубляли картину.

Почему же он не требует развода? Испытывает извращенное удовольствие, наблюдая за ее мучениями? Если так, то он хорошо это скрывает, никогда еще Лотти не видела его более суровым и грозным. Она знала, что он хочет развестись, и письмо только подтвердило подозрения последних трех недель, возникших после того, как она случайно наткнулась на ту статью в газете.

«Рафаэль Ривальди, граф Монтеррато, обманул смерть в страшном происшествии с парашютом».

Она прочла заголовок, и чашка с капучино задрожала в ее руке, а сэндвич застрял в горле. Судорожно вцепившись в мышку, она впиалась взглядом в строчки статьи, пытаясь извлечь из нее максимум информации.

Информации было даже как-то слишком много. Итальянские журналы о знаменитостях пестрели сенсационными подробностями об отчаянном графе, который упал с огромной высоты и чудом выжил, чтобы потом рассказать об этом.

Вполне обоснованное беспокойство вскоре сменилось ненасытной жаждой разузнать все возможные сплетни о нем. И вот что она обнаружила: кроме вполне ожидаемых снимков, на которых он покорял горы и водопады, было множество фото с женщинами. Сногшибательными красавицами. Так и льнувшими к нему, ослепительно улыбающимися на благотворительных балах и красных ковровых дорожках, пока он пожимал руки звездам. И всех их объединяло одно – мертвая хватка, которой они сжимали его руку, и взгляд, который говорил: сегодня он мой.

Было очевидно – Рафаэль не теряет времени даром. И Лотти больше нет места в его жизни.

И прекрасно. Даже несмотря на то, что один разговор о полном разрыве с ним режет ее словно ножом. Просто надо напомнить себе, как далеко позади осталось прошлое. Да, ее жизнь наконец-то вошла в колею.

Выпрямив спину, Лотти смерила Рафаэля надменным взглядом. Ей нужны объяснения.

– Если я здесь не для развода, может, ты окажешь мне любезность и расскажешь наконец, зачем вызвал?

Тяжелая тишина повисла между ними – слышно было только, как где-то тикают часы.

– Я хочу кое о чем тебя попросить.

Лотти наблюдала, как Рафаэль нервно крутит в руках золотое перо, постукивая то одним, то другим его концом по столу. Совершенно несвойственно для него. Она же поймала себя на том, что в ожидании и тревоге затаила дыхание.

– Думаю, нам стоит попытаться еще раз.

От этих слов будто земля разверзлась под ее ногами. И, вопреки ее воле, глупое сердце отчаянно затрепетало в груди.

– Попробовать еще раз? – Во рту у Лотти внезапно пересохло.

– Да. Ради ребенка.

Ее сердце упало.

– Ребенка? – Она вовсе не хотела, чтобы ее слова прозвучали так презрительно, так гадко, но недоверие сделало свое дело и наполнило ее речь горечью.

– Да, ребенка, Шарлотта. Не вижу причин не вернуться к этой теме.

– Как тебе вообще пришло это в голову?

– Я нашел нового специалиста по ЭКО в Иране, – продолжил Рафаэль. – Описал ему ситуацию, рассказал, что у нас есть еще один замороженный эмбрион. Он уверен, что в этот раз все получится.

Лотти уже видела такое, разумеется. Зацикленность Рафаэля на ее беременности. Но это все осталось в прошлой жизни, до их разрыва. После того как умерла Серафина.

Родившись на двадцать пятой неделе, их дочь прожила всего несколько драгоценных часов. Случайная травма, повлекшая преждевременные роды, – все это сейчас было покрыто туманной дымкой и словно не имело к ней никакого отношения.

Когда Серафина умерла и ее бездыханное тельце отключили от всех аппаратов, Лотти долго смотрела на все еще теплый сверток в своих руках и думала, что хуже уже быть не может, что она находится на самом дне бездонной черной ямы. Но у судьбы остался еще один камень за пазухой. Выяснилось, что после несчастного случая она никогда больше не сможет забеременеть естественным путем и что ЭКО – ее единственная надежда снова стать матерью.

Рафаэль взялся за дело с упорством, граничащим с безумием. Они прошли серию процедур ЭКО, но ни одна не дала результата. После каждой неудачи он становился все более упорным и настойчивым – казалось, ничто не может сбить его с выбранного курса. Это занятие поглотило их жизни – и в конце концов разрушило их брак.

Лотти дрожащей рукой убрала с лица белокурых локонов – воспоминания о Серафине всегда вызывали в ней внутренний трепет. Пора положить конец этому безумию.

– Что ж, ты зря потратил время. Зачем вообще возвращаться к этой теме? Когда наш брак полностью изжил себя?

Рафаэль изучающе смотрел в фиалковые глаза, которые искали на его лице объяснений происходящему. Разумеется, их брак рухнул. В тот самый день, когда Лотти ушла от него. Сказала ему, что не любит. И никогда не любила.

Он выругался про себя, стараясь скрыть разочарование. Надо сохранять спокойствие. Он и так уже на грани срыва – и знает это.

Но вот чего он не знал, так это того, как сильно забьется его сердце, когда она войдет в комнату. Словно кто-то внезапно ткнул его палкой в бок, и он пробудился от спячки. Что это? Злость? Боль из-за предательства? Желание? Да что бы там ни было, это ужасно раздражает!

Он был уверен, что два года разлуки уничтожили его тягу к Лотти. Но, увы, это не так.

Нахмурившись, Рафаэль провел рукой по волосам.

– Затем, что подобные происшествия, Шарлотта, заставляют задуматься. Десять дней в больнице прочищают мозг, уж поверь мне, и дают прекрасную возможность понять, что важно, а что нет.

– Продолжай.

– Например, для меня действительно имеет значение это место. – Он повел руками вокруг и был вознагражден резкой болью в плече. Но решил этого не показывать – Лотти не должна видеть его слабости. – Графство – мой главный приоритет. Поколениями Ривальди носили титул графов Монтеррато. – Он сделал паузу. – Как ты знаешь, Шарлотта, я последний в роду, и моя обязанность – оставить наследника.

Монтеррато. Наследник.

Ничего не изменилось. Снова Монтеррато, его будущее, продолжение рода. Для Рафаэля это своего рода навязчивая идея. Это все для него – его жизнь, его кровь. Она тоже последняя в своей семье, так уж вышло, – единственная дочь покойного Джона Лэма и Греты Лэм, ныне Лоуренс, повторно вышедшей замуж и сейчас живущей в Южной Америке. Только вот она не кричит об этом на каждом шагу.

– Что ж, раз тебе так сильно нужен ребенок, я бы посоветовала тебе найти кого-то еще в качестве его матери. Судя по количеству женщин, которые постоянно тебя окружают, я уверена, ты легко мог бы выбрать любую светскую львицу.

Рафаэль стал мрачнее тучи.

– Ради бога, Шарлотта. – Он ударил кулаком по столу, отчего позолоченная бронзовая чернильница пошатнулась на своих львиных лапах. Его глаза буквально метали молнии, когда он смотрел на Лотти. – Ну как ты не можешь понять? Я хочу нашего ребенка.

Лотти раскрыла рот от изумления. Это вовсе не тот спокойный и сдержанный Рафаэль, которого она знала. Никогда он не был таким. По крайней мере, до сих пор.

Внезапно ей в голову пришла одна мысль: Рафаэль пережил несчастный случай, получил много травм, в том числе головы. Может, у него какое-то посттравматическое расстройство?

– Ты прав, Раф, я не понимаю. – Она понизила голос, пытаясь выудить из него правду. – Это как-то связано с несчастным случаем?

От скрипа стула по паркету Лотти вздрогнула – Рафаэль встал, оперся о стол и уставился на нее немигающим взором – как гадюка, готовящаяся к броску.

– Почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, просто интересно. – Судя по его реакции, она задела болевую точку. – Хочешь поговорить об этом?

Рафаэль отвернулся и направился к окну, под его тяжелыми шагами поскрипывал пол.

– Не о чем тут говорить. Все прошло, – бросил он через плечо.

Проклятье. Меньше всего он хочет говорить об этом.

Но чего же он ждал? Что Лотти согласится без всяких объяснений выносить ему ребенка?

Конечно, можно было соврать. Уломать ее, соблазнить, добиться своего, а потом признаться, что это все обман. Одна мысль об этом воспламенила кровь в его венах. Он чувствовал, как Лотти смотрит ему в спину, покусывая губы в ожидании, как вздымается и опускается ее грудь, как она держит руки на коленях, сидя в кресле. От всего этого желание затащить ее в постель стало нестерпимым. Черт, да какая там постель – положить ее здесь, прямо на столе, а дальше все просто.

На улице начало темнеть, но свет в комнате не был включен, и все словно окуталось серой дымкой. Лотти любовалась гордым силуэтом – высоким, подтянутым, таким таинственным в угасающем свете, стараясь запомнить его очертания, прежде чем отвести взгляд.

– Что ж, в таком случае говорить больше не о чем. – Лотти встала. – В моем дальнейшем пребывании здесь нет никакого смысла.

– Нет, постой! – Несмотря на свои травмы, Рафаэль в несколько быстрых шагов нагнал ее и схватил за руку, едва Лотти потянулась за сумочкой.

В секундном замешательстве они смотрели друг на друга, затем взгляд Лотти скользнул по руке, вцепившейся в ее запястье, по потемневшему лицу ее обладателя. Наконец отпустив ее руку, Рафаэль отступил в сторону, отбросил волосы со лба.

– Прости меня.

– Раф? Что это вообще такое?

Распрямив плечи, он пронзил ее взглядом:

– Ладно, Лотти, раз ты так хочешь знать, я объясню.

Его голос был жестким, но в глазах читались боль и страдание, и Лотти стало тревожно.

– Дело в том, что вот уже четыре недели, как я бесплоден. Еще одна попытка ЭКО – мой единственный шанс стать отцом.

Глава 2

– Ты больше не можешь иметь детей? – Лотти с ужасом уставилась на Рафаэля.

– Верно.

– Ты... бесплоден?

– Кажется, мы это уже выяснили. – Он сердито посмотрел на нее.

Лотти покраснела.

– Но почему? Как же так?

– В общих чертах: дерево, которое спасло мне жизнь, лишило меня возможности дать жизнь другим. Ирония судьбы, не правда ли?

Румянец уступил место нервному тикю. Лотти просто не знала, что сказать.

– Это навсегда? В смысле, это совсем не лечится?

– Кажется, нет. – Рафаэль поменял позу, и Лотти поймала себя на том, что смотрит на его пах. – Поверь мне, я все разузнал.

– О, Раф! – Внезапно Лотти приблизилась к нему и обняла неподатливое тело. – Мне так жаль!

С отвращением сбросив ее руки со своей шеи, Рафаэль сделал шаг назад.

– Мне не нужно твое сочувствие. Мне нужна реальная помощь.

Глядя на него широко распахнутыми глазами, Лотти повторила:

– Мне так жаль. Должно быть, тебе было непросто примириться с этим. – Она протянула руку, чтобы коснуться его, но Рафаэль отодвинулся еще дальше, скрестив руки на груди в качестве барьера между ними. – Ты с кем-нибудь это обсудил? Нельзя держать это в себе.

– Пф-ф, – презрительно фыркнул Рафаэль. – Что мне нужно – так это решить проблему.

Ничего нового. Зачем она только задала этот вопрос. Лотти смотрела на гордого, надменного мужчину, который с упрямым видом стоял в нескольких шагах от нее. Скорее умрет, чем уступит эмоциям.

– Не у всех проблем есть решение, Раф. Просто смирись с этим.

– Конечно же решение есть, – парировал он. – И оно связано с тобой.

Вот она, причина ее пребывания здесь. Не бумаги на развод, а отчаянная попытка родить наследника рода Ривальди. Лотти склонила голову, прикрыла глаза рукой, стараясь привести в порядок свои мысли и сформулировать ответ.

– Я понимаю, что сейчас вся власть в твоих руках, – выпалил Рафаэль, спеша заполнить повисшее между ними молчание, прежде чем Лотти успела отказать, – и это ставит меня в невыгодное положение.

Власть? Невыгодное положение? О чем это он? Как будто речь идет о контракте, а не о рождении ребенка, создании новой жизни, которая должна произрасти из любви, верности и заботы друг о друге. Но это объясняет, почему он в костюме – Рафаэль пытается заключить с ней сделку.

– Я согласен на любые условия, Лотти. Только скажи – и все будет к твоим услугам.

– Нет, Раф. – Надо остановить его, пока не стало хуже.

– Если дело в деньгах...

Слишком поздно. Лотти почувствовала, как от возмущения у нее по шее и лицу разливается краска.

– Прекрати! – Ее начало трясти одновременно от гнева и от грусти. – Ты и впрямь веришь, что можешь купить меня? Купить ребенка?

– Не надо драматизировать. – Расправив плечи, он холодно посмотрел на нее. – Я просто пытаюсь прийти к взаимовыгодному соглашению. Только не говори мне, что тебе нравится

работать в этой... – он сделал паузу, на его лице отразилось отвращение, – так называемой картинной галерее в Лондоне.

– Это называется «зарабатывать на жизнь». И кстати, как ты узнал, где я работаю?

– А это уже моя обязанность – все знать.

– Что ты имеешь в виду?

– Я должен был убедиться, что в моем распоряжении есть все сведения, прежде чем связаться с тобой. Я просто обязан был узнать некоторые вещи – о твоей карьере, финансовом состоянии, о том, есть ли в твоей жизни мужчина. – Он впился в нее взглядом.

Лотти задохнулась от возмущения.

– Ты хочешь сказать, что нанял какого-то частного «расследователя», который следил за мной, прячась в тени, рылся в моем мусоре, наставлял свой грязный маленький бинокль на мои окна?

Слова, нацеленные на Рафаэля, повисли между ними в гнетущей тишине. Рафаэль коротко рассмеялся:

– Ты очаровательна в своей старомодности. Все немного изменилось. Макинтоши и шляпы давно ушли в прошлое. Все чудеса теперь творит Интернет.

– Как бы там ни было, ты это сделал. И это подло. – Лотти отбросила челку со лба, пытаясь этим незамысловатым жестом успокоить себя. – У тебя нет никакого права вмешиваться в мою жизнь.

Брови Рафаэля грозно сошлись на переносице.

– Нужда заставила, Лотти. Исключительные обстоятельства требуют исключительных мер.

И вот это должно ее утешить? Если так, то Рафаэль не сильно продвинулся в понимании женской природы.

Лотти удержалась от гневного взгляда, хоть ей и хотелось испепелить им Рафаэля, – испугалась, как бы в нем не отразилась заодно и ее печаль из-за происходящего. Рафаэля совершенно не беспокоят ее чувства – он просто, как обычно, рубит с плеча.

Лотти отвернулась, зная, что нужно сказать, но не решаясь при этом смотреть Рафаэлю в глаза.

– Прости, Раф, но мой ответ – нет. Мы оба знаем, что ничего не получится.

Рафаэль мгновенно приблизился к ней.

– Ты не знаешь, – бескомпромиссным тоном заявил он. – В области ЭКО в последние два года произошел серьезный прорыв. Я уверен – у нас есть шанс.

– Дело не в ЭКО. – Лотти наконец взглянула ему прямо в глаза. – Дело в нас как в паре. Это у нас не получится.

– Возможно, я неясно выразился. – Рафаэль посмотрел на нее с явной неприязнью. – Я не требую примирения и воссоединения. Я хочу только, чтобы ты стала матерью моего ребенка. И больше ничего.

И больше ничего?

Несмотря на гнетущую атмосферу этого неприятного разговора, было почти смешно, как он все преподносит – словно просит ее пересмотреть дизайн кухни или сада. Вот только смеяться ей совсем не хочется.

– Я пытаюсь сказать, что ничего больше не буду ждать от тебя, – продолжил Рафаэль. – Будь уверена, – он сделал паузу, бросив на Лотти ледяной взгляд, – я никогда ничего не потребую.

Лотти почувствовала, как в ней что-то умирает. Она конечно же знала, что в сексуальном плане больше не представляет для него интереса. И тем не менее его слова царапнули ей по сердцу. У Рафаэля толпы поклонниц, которые могут удовлетворить любой его каприз. Она посмотрела на себя, на свои поношенные джинсы, которые надела в дорогу, любимые потертые

ботинки и снова взглянула на Рафаэля. Он стоял перед ней – сама сосредоточенность. Темный костюм безупречно сидел на нем, подчеркивая силу и сексуальность. Собрав остатки самообладания, Лотти гордо вздернула подбородок.

– Спасибо, что объяснил. – Ее голос звучал резко. – Хотя можно было этого и не делать. Я имела в виду прозу жизни. Даже если предположить тот невероятный факт, что я смогу когда-нибудь забеременеть, как мы сможем воспитывать ребенка вместе? Мы даже не живем в одной стране.

С ленивой грацией пантеры Рафаэль приблизился к ней, и Лотти внезапно уткнулась носом в его широкую грудь.

– Такие вопросы всегда можно решить.

Лотти слишком поздно поняла, что выбрала не тот аргумент. Рафаэль – супермастер по практической стороне жизни, по решению всякого рода проблем и вопросов. Как граф Монтеррато он делает это ежедневно, курируя жизнь графства, планируя его будущее, решая его проблемы. И именно это он и делает сейчас. Стоя рядом с ним, Лотти почувствовала знакомый запах – легкий аромат одеколона, смешанный с запахом мыла и чего-то еще, почти неощутимого, присущего только Рафаэлю. Она почти физически ощущала исходящие от него силу и мощь, которые буквально угрожали поглотить ее целиком.

– Я не хочу, чтобы ты хоть на минуту решила, что я недооцениваю масштаб своей просьбы. – Его голос звучал тихо и очень искренне. – Я не верю, что это нужно только мне. Я знаю, как много для тебя значит возможность стать матерью.

Лотти сглотнула внезапно появившийся в горле комок.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что я наблюдал за тобой, Лотти. Я видел эйфорию на твоём лице, когда выяснилось, что ты беременна, – видел, как растёт и крепнет твой материнский инстинкт, более сильный, чем все остальное. А затем... – Он продолжил, хоть и было видно, что его это ранит: – Я видел нашу дочь в твоих руках.

– Нет! Прекрати! – Это больше, чем она может вынести. Лотти закрыла уши руками.

– Признайся, Лотти. Тебе же был нужен не я, правда? – Он безжалостно гнул свою линию. – Тебе нужен был ребенок. Только это имело значение. Только поэтому ты согласилась выйти за меня. Наш брак был не более чем притворством. Твои последние жестокие слова – да все твоё поведение, на самом деле, – указывают на это.

– Я не собираюсь больше это выслушивать! – Лотти стремглав бросилась к двери, но он следовал за ней по пятам.

– Ты все еще можешь осуществить свою мечту, Лотти. Хоть наш брак и превратился в одно название, мы все еще можем стать родителями – ты все еще можешь стать мамой.

– Понятия не имею, зачем ты мне это говоришь. – Смахнув подступающие слезы, Лотти снова повернулась к нему. – Единственное, что приходит в голову, – это нужно тебе, а не мне.

– Может, в первую очередь я и думал о себе. – Рафаэль встал напротив двери, перекрывая ей дорогу. – Пока не увидел выражение твоего лица. Я ведь прав, верно? Ты хочешь ребенка так же сильно, как я.

– Нет. Ты не прав. – Тщетно пытаясь сдвинуть его с места, Лотти схватилась за ручку двери и с силой потянула ее на себя.

Дверь приоткрылась не больше чем на пару дюймов и уперлась в спину Рафаэля.

– Подумай хорошенько, Лотти. – Он спокойно смотрел на нее, не обращая никакого внимания на ударившую его дверь. – Какое бы решение ты ни приняла, не позволяй презрению повлиять на него и встать на пути к твоему счастью.

Наконец он отодвинулся, и дверь распахнулась, отчего Лотти потеряла равновесие.

– Я никогда на это не пойду.

Сбросив ботинки, Лотти плюхнулась на кровать с балдахином и уставилась на гобеленовый полог над головой. Она прерывисто дышала, едва сдерживая слезы. Как он может так поступать с ней? Шантажировать ее провалившейся попыткой материнства, использовать драгоценные воспоминания о Серафине. Это просто жестоко!

В этом весь Рафаэль. Его ничто не остановит на пути к цели – любые средства хороши. Даже если в процессе придется разбить ей сердце.

Боль резала ее, как обоюдоострый меч, и один из ее уколов вскрыл глубоко спрятанную правду. Она и впрямь всегда хотела стать матерью. Не так, как ее подруги, смутно осознававшие, что когда-нибудь это должно произойти, и придумывавшие на досуге имена для детей, а с глубокой неприкрытой тоской, томлением, которое было неотъемлемой ее частью. Возможно, собственное «неправильное» детство заставило ее осознать, что быть матерью – самое важное занятие на земле, а вовсе не то, что она потеряла возможность иметь детей. И теперь ей хотелось все сделать правильно. Не сказать, что она испытала восторг и экстаз в тот момент, когда узнала, что носит ребенка Рафаэля. Это был ее шанс стать такой матерью, какую она сама всегда хотела, – вместо той, что у нее была на самом деле.

Как единственное дитя женщины, у которой были дела поинтереснее, чем потакать раздражающим прихотям ребенка, Лотти воспитывалась помощницами по хозяйству и соседями, случайно или нет оказавшимися поблизости. Это позволяло Грете отдаться своей самой большой страсти – путешествиям. Или, если точнее, круизам на роскошных лайнерах. В то время как Лотти жила в постоянном ужасе, что однажды никто не встретит ее у школьных ворот.

Обеспеченная мужем, который был намного ее старше и предусмотрительно застраховал свою жизнь, прежде чем упасть за смертью, когда Лотти было всего семь, Грета пристрастилась к гламурному круизному образу жизни: красавцы стюарды в белой униформе, загорелые танцоры, лихие капитаны. В конце концов за одного из последних она вышла замуж во второй раз и начала новую жизнь в Аргентине.

Лотти зажмурила глаза, почувствовав безжалостный укол боли: Рафаэль снова неправильно ее понял. «Ты никогда не хотела меня... Ребенок – единственное, что было тебе нужно». Неужели он правда так думает? Ей и впрямь удалось его одурачить? И если так, то почему ей так грустно от этого?

Сделав глубокий вдох, она откинулась на пуховые подушки и окинула взглядом комнату. Это была та же спальня, что она раньше делила с Рафаэлем – ну, ее половина, во всяком случае. Огромные двустворчатые двери посреди комнаты были сейчас плотно закрыты, олицетворяя собой состояние их брака.

Как бы все сложилось, не потеряй они Серафину? Не будь несчастного случая? Если бы все не пошло под откос? Их дочери сейчас было бы три года, она носилась бы по этому старому мавзолею, вдыхая в него новую жизнь, и, может даже, рядом с ней был бы младший братишка или сестренка.

Но все сложилось так, как сложилось, и ей пришлось вернуться назад в Англию, начать в Лондоне новую жизнь, оставив прошлое позади. Даже если эта новая жизнь подразумевала, что ей придется избегать младенцев во всех их видах – в колясках, в рекламе по телевизору, – и даже отворачиваться от малышек в автобусах, улыбающихся ей беззубой улыбкой через мамино плечо.

Но желание родить ребенка, ребенка от Рафаэля, никогда не покидало ее. И она никогда не забывала о последнем оставшемся эмбрионе. Крошечный сгусток клеток, хранящийся в жидком азоте (все, что осталось от их отношений), навсегда поселился в глубинах ее подсознания. Сколько раз она ловила себя на том, что пытается представить, какой ребенок мог бы у них получиться. И снова, и снова стремительно запихивала эту мысль на задворки сознания, решительно поворачивая ключ в замке.

А сейчас... сейчас у этого эмбриона появился новый шанс. Никогда даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что может появиться такая возможность. Безумная, странная, нелепая идея.

Разве нет?

Рафаэль мерил шагами столовую, останавливаясь только затем, чтобы в который раз посмотреть на часы. Где ее носит, черт возьми! Лотти же знает, что ужин накрывают в половине девятого, и опаздывает уже на час. Неужели она специально его раздражает? Полчаса назад он встал из-за стола, чтобы отправиться на поиски, но его внезапно сковал необъяснимый страх. Он шел по коридору, ведущему к ее спальне, уверенный в том, что она уехала – сбежала, как когда-то. Рафаэль громко постучал в дверь, и тридцать секунд тишины, прежде чем он услышал ее шаги в комнате, показались ему вечностью. Но затем дверь открылась, и на пороге – сонная, с всклокоченными волосами – стояла она.

Убедившись, что Лотти не исчезла, он все равно снова почувствовал, как его охватывает ужас. Она попросила дать ей десять минут, чтобы по-быстрому принять душ. По пути в столовую Рафаэль приказал себе успокоиться и не быть идиотом.

Наконец дверь столовой отворилась, и Лотти с виноватым видом влетела в комнату – само раскаяние. Он позвонил в колокольчик, чтобы подавали еду, пока она в воцарившейся холодной тишине усаживалась за стол рядом с ним. Сквозь ресницы он украдкой наблюдал, как Лотти устраивается на стуле, скреживая под столом свои длинные ноги и раскладывая салфетку на коленях.

Он сел рядом с ней во главе стола, гоня от себя мысли о том, как прелестно она выглядит. Волосы после мытья белокурым облаком обрамляли лицо, делая черты еще тоньше. Лотти сделала пучок и заколола его высоко на макушке. Короткое трикотажное фиолетовое платье обтягивало ее стройную фигурку, каждый изгиб, и от этого зрелища кровь в его жилах побежала быстрее.

Взяв тяжелый хрустальный графин, он начал наполнять бокал Лотти, наблюдая, как ее тонкие пальцы поглаживают ножку фужера. Затем он поднял свой, Лотти сделала то же самое. За что они пьют? Ее невинные голубые глаза безжалостно смотрели на него, и он снова ощутил горечь, которую испытывал с тех самых пор, как она бросила его.

– Твое здоровье.

Не самый лучший тост. Лотти смотрела на лицо Рафаэля поверх бокала. Она понимала, что он злится на нее за опоздание к ужину. Он уже был не в настроении, когда разбудил ее, барабанив в дверь и вопрошая, куда она подевалась. Но ее обещание собраться за десять минут оказалось почти невыполнимым: в битве между страхом, что она заставляет его ждать, и желанием выглядеть хотя бы наполовину прилично победило последнее.

Хотя сейчас она недоумевала, зачем ей это вообще надо. Наспех наведенный марафет померк в угольно-черной туче дурного настроения Рафаэля.

– Да, чин-чин. – Сделав небольшой глоток, Лотти поставила бокал на стол и попыталась выровнять и без того безупречно сложенные приборы. Удастся ли ей справиться с этим испытанием?

Практически сразу же появились двое вышколенных слуг с блюдами под серебряными крышками и принялись расставлять их на столе, что хотя бы отчасти отвлекло ее от мыслей о сидящем рядом сердитом мужчине.

Когда же наконец слуги ушли, Рафаэль подчеркнуто демонстративно подождал, пока она возьмет свои вилку и нож, прежде чем сделать то же самое.

– Надо срочно начать есть, пока еда не испортилась окончательно.

Он и впрямь полон решимости злиться и дальше. Вечер обещает быть ужасным.

Но еда оказалась вкусной, и, сидя рядом с Рафаэлем в этой великолепной зале, потягивая красное вино из древних сводчатых подвалов, Лотти чувствовала, будто перенеслась в прежнюю богатую жизнь, полную привилегий, от которой она так яростно отказалась два года назад. Это мир Рафаэля. И хоть он и не при полном параде сейчас – в джинсах и хлопчатой рубашке с открытым воротом, он выглядит стопроцентным хозяином жизни – стопроцентным графом Монтеррато.

Разговор не клеился. Лотти пыталась поддержать светскую беседу, но ее слова падали на бесплодную почву: Рафаэль, казалось, полностью поглощен трапезой и не расположен обсуждать что-либо, кроме этого. Между тем нерешенные вопросы витали в воздухе как незваные гости. Лотти поймала себя на том, что исподтишка наблюдает за Рафаэлем, за тем, как двигаются его губы, подбородок, сейчас покрытый щетиной, скрывающей синяки, за тем, как темные кудри падают ему на лоб, когда он склоняет голову, и как он откидывает их назад нетерпеливой рукой. В неверном свете стоящих между ними свечей его раны были не так заметны, и он выглядел совсем как старый добрый и невыносимо прекрасный Рафаэль.

Наконец ужин закончился, и Рафаэль предложил переместиться в салон. Лотти последовала за ним через мраморный зал в тепло сравнительно скромной комнаты. Там, на низком столике напротив камина, их ждали кофе и коньяк. Они уселись бок о бок на антикварной софе. Рафаэль хотел было налить ей коньяка, но Лотти отрицательно помотала головой. Алкоголя на сегодня достаточно – она чувствовала, как он разливается по венам, угрожая окончательно одурманить. Вот кофе – гораздо более разумная идея.

Борясь с тяжелым серебряным кофейником, она налила кофе в две фарфоровые чашки и передала одну Рафаэлю. Затем, скрестив ноги, попыталась поудобнее устроиться рядом с ним, в одной руке держа дребезжащую чашку, а другой – одергивая задирающееся платье.

– Так ты обдумала мое предложение?

Перемирие явно закончилось, и атмосфера тут же накалилась от его вопроса.

– Разумеется. – Она повернулась к нему лицом. – И должна сказать, мне совсем не нравится эмоциональный шантаж.

Рафаэль прикрыл глаза рукой – как будто ему было больно даже просто смотреть на нее.

– Я всего лишь показал, насколько силен твой материнский инстинкт. Тут нечего стыдиться.

– Я не стыжусь!

– Так ты не отрицаешь, что в теории ты хотела бы ребенка? – Он впился в нее взглядом.

– Да... нет. Не в этом дело.

– Потому что, если ты хочешь, Лотти, это твой шанс сделать еще одну попытку. Я уверен, нет нужды говорить, что с теми проблемами, которые у тебя есть, твои шансы зачать ребенка с кем-то другим... невелики.

– А с тобой их нет вообще.

Это были жестокие слова, и Лотти почувствовала, как жар залил ее щеки. Но она не собиралась брать их назад – он это заслужил.

– Туше.

Несколько черных секунд он молчал, и с каждой следующей Лотти становилось все хуже и хуже.

– Так что мы в одинаковой ситуации. Тем больше причин принять сейчас правильное решение.

Лотти поставила чашку обратно на стол. У него на все есть ответ. Кроме Серафины. Он никогда не хотел говорить об их малышке. Что ж, сейчас она его заставит сделать это.

Она набрала в легкие побольше воздуха.

– Ты вспоминаешь Серафину? – Ее слова просвистели в воздухе, как пули. И она была уверена, что они достигли цели, судя по тому, как Рафаэль сжал челюсти.

– Конечно же. – Его ответ прозвучал резко, и он не смог скрыть свои эмоции. Как и тревогу во взгляде. – Как ты вообще можешь задавать такие вопросы? Серафина была и моей дочерью тоже, если ты вдруг забыла.

Уязвимость сменилась привычной враждебностью, но она все же уловила отголосок боли – услышала, когда он произносил имя их малышки. С этой неповторимой итальянской интонацией. Серафина. Она едва сдержалась, чтобы не попросить Рафаэля повторить его еще раз. И еще раз.

Лотти перевела взгляд с его обиженного лица на мускулистую руку, покоившуюся на бедре. Та была испещрена шрамами и царапинами, напоминающими о том, что ему довелось пережить.

Подчинившись импульсу, она протянула свою руку к его, коснулась ее:

– Может, и забыла. Прости. – В это же мгновение между ними проскочила искра, уколола колкими мурашками – и Рафаэль стремительно отдернул руку, запустил пальцы в волосы, словно чтобы очистить их от ее прикосновения. Пытаясь взять себя в руки, он заерзал в кресле.

– Я знаю, мы никогда не сможем заменить Серафину, да и не захотим, но ничто не мешает нам родить здорового ребенка, Лотти. Я хочу, чтобы ты это поняла.

– Раф...

– Просто представь, Лотти... всего через год мы можем быть родителями. Мы можем этого добиться – я знаю, что можем.

– Ты не знаешь этого, – взывая к остаткам здравого смысла, возразила Лотти. – Даже если бы я согласилась, не факт, что это сработает.

– Есть один непреложный факт, – глухо ответил он. – Если мы не попытаемся, мы так этого никогда и не узнаем.

Внезапно в комнате стало удушающе жарко. Тишину нарушало лишь потрескивание дров в камине. Под настойчивым взглядом черных глаз Рафаэля Лотти чувствовала, как жар захлестывает ее тело, размягчая кости, растапливая слой за слоем решимость, которая так надежно укутывала ее – словно снежное одеяло.

Может ли она пойти на это? В устах Рафаэля все так просто. Все кажется возможным. Но он совсем не подумал о ее жизни в Англии. Выстроенной так кропотливо, кирпичик за кирпичиком, на обломках их брака. Она наконец-то достигла того уровня, на котором чувствовала финансовую и эмоциональную стабильность. По крайней мере, большую часть времени. Может ли она пойти на такой огромный риск, отбросив осторожность, здравый смысл и инстинкт самосохранения? Забросить их подальше и посмотреть, куда они упадут?

Какое искушение.

Рафаэль ждал, словно чувствуя, что слова больше не нужны. Он был так близко, что Лотти слышала, как он дышит, и чувствовала, как слабеет под его невыносимо пристальным взглядом.

Сев очень прямо, она распрямила плечи и ответила на его пронизывающий взгляд. Она приняла решение. Свое решение.

– Я сделала выбор.

Ответная вспышка в глазах Рафаэля была такой сильной, что она на мгновение зажмурилась, а во рту пересохло.

– Мой ответ – да. Я пойду на это.

Глава 3

Последовала долгая пауза, полная изумления. Затем, словно очнувшись, Рафаэль взял руки Лотти в свои и сильно сжал их:

– Правда? – Он склонил голову, чтобы заглянуть ей в глаза, убедиться, что понял ее правильно.

– Да.

– Ты согласна использовать замороженный эмбрион?

– Да. Мы ведь именно это обсуждали, разве нет? – Она попыталась выдавить из себя смешок, но вышел скорее сдавленный панический всхлип.

– Тогда спасибо. – Очень серьезный, Рафаэль выпустил ее ладони и, коснувшись пальцами ее подбородка, произнес: – *Vi ringrazio dalprofondo del mio cuore.* (Благодарю от всего сердца.)

– Все нормально.

Лотти скривилась от своего малосодержательного ответа. «Нормально» – едва ли подходящая реакция на сердечную благодарность Рафаэля. Или на тот грандиозный шаг, на который они решились. Но когда он так близко и смотрит на нее так пристально и так нежно касается ее кожи подушечками пальцев, она не очень-то хорошо соображает. Надо держаться подальше от Рафаэля. От того, что он заставляет ее чувствовать. Раз уж она приняла сейчас самое безумное решение в своей жизни, ей лучше сейчас побыть одной, чтобы вволю поразмышлять и поплакать наедине с самой собой.

– Ну я, пожалуй, спать пойду. Я порядком устала.

– Конечно. – Рафаэль тут же оказался рядом с ней, подал руку. – Обсудим детали завтра.

Это ее не успокоило. Лотти сделала шаг к двери, но он придержал ее за локоть, подтянул ближе к себе, обхватил своими сильными руками, прижал к груди. Лотти окаменела в его объятиях.

– Ты не пожалеешь об этом решении, Лотти.

Она чувствовала его дыхание у себя на макушке.

– Я позабочусь об этом. На этот раз все получится – я уверен.

– Надеюсь. – Ее слова звучали приглушенно – губами она уперлась в мягкий хлопок его рубашки.

Лотти понятия не имела, выйдет ли что-то из их затеи или нет, – прямо сейчас у нее были более насущные проблемы, в буквальном смысле слова. Ее тело так остро реагировало на близость Рафаэля! Запретная судорога желания скрутила тело, остановившись где-то внизу живота, пульсируя внутри в ожидании развития событий.

– Я знаю, так и будет.

Он прижал ее к себе еще сильнее, и Лотти почувствовала, как решимость покидает ее, в то время как жар между ними становится сильнее. И это было так здорово и так неправильно... Заключенная в кольцо его мускулистых рук, прижатая к его твердой груди, она испытывала такие опасные чувства, когда их тела соприкасались! Вопреки всем сигналам опасности Лотти поймала себя на том, что пытается прижаться к нему бедрами чуть сильнее и почувствовать еще больше. И она не была разочарована. Его возбуждение не подлежало сомнению, его нельзя было не почувствовать, и ее тело мгновенно откликнулось спазмами желания. Лотти пронзило острое ощущение радости от того, что она все еще может воздействовать на него, что он вовсе не такой неуязвимый, как можно было бы предположить по его ледяному виду. Встав на цыпочки, она неуверенно обвила руками его шею, желая большего. Желая, чтобы и он хотел большего.

И тут она услышала гортанный рык, за которым последовало ругательство на итальянском, а затем почувствовала, как он сбрасывает ее руки с шеи и отскакивает в сторону.

– Нет!

Это слово ударило по ее неприкрытому желанию, словно плеть.

– Мы говорили не об этом.

Отверженная так грубо, Лотти не могла вымолвить ни слова и лишь в замешательстве смотрела, как Рафаэль направляется к камину и бросает дрова в огонь.

– Думаю, нам надо установить несколько основных правил, – отрывисто бросил он через плечо. – Не хочешь, чтобы ты меня неправильно понимала.

Неправильно понимала.

Лотти опустила взгляд. Откинув волосы с лица, она поправила платье и откашлялась. Надо взять себя в руки и убедить его, что ее это несколько не расстраивает и что он слишком уж бурно реагирует.

– Все нормально. – Она попыталась рассмеяться. – Это ничего не значит. Не стоит воспринимать так серьезно.

Рафаэль обернулся и наградил ее взглядом, граничащим с ненавистью. Проглотив непонятно откуда взявшуюся горечь, он произнес:

– *Si, certo*¹. Ничего.

Лотти прикусила губу. И что же он хотел услышать, ради всего святого? Она совершенно бесстыдным образом хотела его, была унижена его отказом, выражением отвращения на его лице – все вместе, это заставило ее почувствовать себя убогой. Ей же нужно как-то защитить себя.

– Не думай, что я этого не понимаю. – Ее голос был на удивление спокоен. – Я согласилась на все это ради ребенка, а не для того, чтобы воскресить наш брак.

Рафаэль повернулся и посмотрел на нее, глаза его метали молнии.

– До тех пор, пока мы оба знаем, где остановиться.

– Я уверена, что мы знаем. Ты вполне ясно обозначил свои чувства ко мне.

– А ты – свои.

– Да.

Лотти вздрогнула. Ее большая черная ложь. И не отопрешься теперь. Она уже впиталась Рафаэлю в кровь. В каждое движение мускул, движение плеч, каждый взгляд его угольно-черных глаз.

Он сделал пару шагов и снова оказался перед ней, глядя снизу вверх на ее напряженную фигурку. Лотти буквально уткнулась носом в стену его враждебности, глядя, как он пытается взять себя в руки, усмирить прерывистое дыхание, справиться со своей неприязнью к ней. Со всеми словами, которые рвались наружу.

Наконец он отступил назад, все еще не сводя с нее глаз.

– Тогда я рад, что между нами нет недомолвок.

Рафаэль залпом осушил стакан бренди и с грохотом поставил его на столик перед собой. Эмоции все еще бушевали в нем. Он провел рукой по лбу, задев шрам, который напоминал о недавнем инциденте.

Он должен быть рад. Ему ведь удалось уговорить Лотти попробовать. Теперь надо сдвинуть дело с мертвой точки, пока она не передумала – или, того хуже, не вернулась в Англию, встретила кого-то другого и забыла о нем. Надо признать, ему и так повезло, что этого до сих пор не произошло. Что ее не увел какой-нибудь юный красавчик и они не зажили долго и счастливо конечно же без его участия. Но его расследование не выявило никого подозрительного в этом плане, кроме этого сукина сына – ее босса в галерее, где она работает.

¹ Да, конечно (*um.*).

Рафаэль расцепил сжатые в замок пальцы. Если бы у нее кто-то был, то ему пришлось бы дать пару раз по морде. Впрочем, мужчина мог появиться в любой момент, и ему надо было действовать быстро.

Но не так, как он действовал. Боже... Он прикрыл рукой глаза. О чем только он думал, прижимаясь к ней, как озабоченный тинейджер? Показывая со всей очевидностью, как легко она его заводит?

Встав с софы, Рафаэль расправил затекшие плечи, поводит ими туда-сюда, почти наслаждаясь физической болью. Надо выстоять, надо быть сильным. По пути к камину он увидел свое отражение в огромном позолоченном зеркале, еще раз продемонстрировавшее ему, в какое дерьмо он превратил свою жизнь. Он быстро отвернулся, только чтобы наткнуться взглядом на мраморных херувимов, с усмешкой вззирающих на него.

Иногда и впрямь кажется, будто весь мир ополчился против тебя.

Утро выдалось ярким и светлым, и Лотти наблюдала за его зарождением с самого начала. После нескольких часов беспокойного сна она сдалась и провела остаток ночи на подоконнике, закутавшись в одеяло. Там она и увидела, как звездная ночь уступает место первым лучам солнца, чье великолепное появление из-за серебристого горизонта происходит с поразительной быстротой, пока оно не займет свое место на небосклоне, готовое светить весь день.

Эти несколько часов дали ей достаточно времени все обдумать – снова и снова, пока не начала болеть голова. Но сейчас, одетая, согретая кофе, но так и не притронувшаяся к завтраку на подносе, она обнаружила, что ее сознание на удивление ясно и она понимает, что ей делать дальше.

Достав из сумочки телефон, она первым делом набрала сообщение своей подруге и соседке по комнате Алекс, написала, что собирается задержаться в Монтеррато «еще на несколько недель». Алекс определенно еще не успела проснуться, так что, по крайней мере, она имеет полное право избежать разговора с ней и шквала вопросов, который, несомненно, вызовет ее сообщение.

Нажав кнопку «Отправить», Лотти не смогла сдержать улыбки при мысли об эмоциональной реакции подруги на сообщение.

Следующий пункт ее плана требовал больших усилий. Надо сообщить Ибрагиму, ее боссу в галерее, что «три-четыре дня отгула», которые она взяла, превратились в три-четыре недели, и вряд ли он спокойно это воспримет. Он и в лучшие-то времена подвержен приступам истерии, а ее заявление и вовсе вызовет у него ярость. И все-таки надо это сделать. Так что Лотти набрала номер, заправила за ухо прядь волос, откашлялась и стала ждать соединения.

В палаццо все еще было тихо и спокойно, когда она наконец вышла на лестницу и вдохнула изысканный аромат свежесрезанных цветов. Спускаясь по ступенькам и чувствуя под рукой гладь перил из красного дерева, Лотти осмотрелась вокруг – нет ли кого-нибудь внизу. Она пересекла холл, открыла тяжелую дверь и сделала глубокий вдох.

Владение Монтеррато расстилалось перед ее взором во всех направлениях сколько хватало глаз. Прямо перед ней тянулись два ряда тополей, отбрасывающих диагональные тени на длинный подъездной путь, выющийся среди подстриженных газонов. Лотти спустилась по лестнице и направилась по хрустящему гравию к боковой дорожке. Бодрящий холодный воздух освежал щеки. Она вдыхала его, чувствуя, как он очищает ее изнутри.

Засунув руки в карманы пальто, Лотти решительно зашагала в хорошо известном ей направлении – мимо огородов и хозяйственных построек, заброшенных конюшен и бассейна к извилистой тропке, теряющейся в густой роще.

Тропинка постепенно пошла вверх, пока не закончились деревья, и привела Лотти на вершину холма, где возвышалась часовня. Ее темно-коричневые стены контрастировали с жемчужно-голубым небом.

Несколько каменных ступеней, покрытых мхом, вели к храму и могилам, надгробья которых в свете холодного солнца кренились, как пьяные. Здесь, в этом живописном месте, обрели последнее упокоение многие поколения семьи Ривальди.

Лотти торжественно шествовала между ними, направляясь к маленькой могилке, при виде которой у нее сжалось сердце. У надгробия, подперев рукой щеку и раскрыв крылья за спиной, сидел резной ангел, преданно охранявший плиту белоснежного мрамора. Присев на корточки, Лотти попыталась успокоиться, но воспоминания нахлынули на нее с новой силой: она увидела, как в землю опускают крошечный белый гробик, услышала, как первая горсть земли стучит о его крышку. Наклонившись, она коснулась могильного камня, холодными пальцами обведя надпись на надгробии – слова, вырезанные в ее сердце. Кто-то поставил букет свежих цветов в маленькую урну, и она рассеянно поправила их под пристальным взглядом малиновки, усевшейся на голову ангела. Тишина и покой. Драгоценный момент. Лотти прочла про себя краткую молитву, и в этот момент малиновка взлетела, унося ее благословение в небо.

– Лотти?

Вздвигнув, она обернулась. В нескольких ярдах от нее стоял Рафаэль, высокая темная фигура в длинном черном пальто. Поднятый ворот прикрывал его поцарапанный подбородок. Ну просто-таки лихой викторианский злодей.

– Так и знал, что найду тебя здесь.

Лотти встала и поплотнее запахнула пальто:

– Мне просто надо было... подумать. Побывать с Серафиной.

– Конечно. Нет нужды объяснять. Я пойду... оставлю тебя в покое.

– Нет. – Внезапно Лотти поняла, что не хочет, чтобы он уходил. Ей нужно, чтобы он постоял вместе с ней у могилы их дочери. Не отдалялся, как обычно. – Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Если ее слова и прозвучали легко, они оба знали, что на самом деле за ними стоит. Рафаэль замаялся, насторожился, неуверенность и гордость отразились на его лице, прежде чем он направился к ней меж заросших могил и встал рядом с ангелом, как часовой.

На мгновение воцарилась до боли пронзительная тишина, пока Рафаэль не нарушил ее мягким покашливанием:

– Ты, кажется, замерзла, Лотти. Пойдем обратно в палаццо. Нам надо кое-что обсудить.

– Я в порядке. – В противовес словам плечи ее ходили ходуном от холода.

Уловив вызов в ее голосе, Рафаэль, в свою очередь, продолжил более властно:

– Тогда пойдем в часовню. Внутри будет теплее.

Спорить не было смысла. Лотти последовала за ним к арочному проему входа, и Рафаэль с силой потянул на себя металлическое кольцо двери. Внутри их приветствовал купол небесно-голубого потолка, усыпанный мириадами золотых звезд, и золоченый алтарь, находившийся под присмотром Мадонны с младенцем. Пройдя между рядами древних скамей, Рафаэль зажег свечу у алтаря и присел рядом с Лотти на первом ряду. Минуту они молчали, не желая разрушать чары.

– Итак, – наконец заговорил Рафаэль, понизив голос из уважения к месту, в котором они находились. – Твое решение, принятое прошлой ночью... – он пристально посмотрел ей в глаза, и Лотти заметила, что от холода его шрамы побелели, – все еще в силе?

– Конечно. – Она смело ответила на его взгляд.

– Хорошо. Тогда еще раз спасибо. Уверен, мне не надо тебе говорить, как много это значит для меня.

– Да, Рафаэль. И ты тоже не думай, что тебе теперь нужно бесконечно благодарить меня.

– Как скажешь. – Он с любопытством посмотрел на нее, пытаясь угадать ее настрой. – Наверное, будет лучше, если я перейду к практической стороне дела.

Не то чтобы это было лучше, но выбора у нее все равно нет.

- Доктор Овейзи приедет завтра в 14.30.
- Что? – У нее перехватило дыхание.
- Да, нам повезло. У него есть свободное время.

Ну конечно. Всемирно известные специалисты по ЭКО просто не могут не располагать свободным временем – их пустые ежедневники только и ждут звонка. По крайней мере, в мире Рафаэля это, кажется, происходит именно так.

- Завтра, – медленно повторила она, пытаясь свыкнуться с этой мыслью.

И почему ее это удивляет? Рафаэль из тех мужчин, которые, приняв решение, сразу же начинают действовать. Странно было ожидать, что он станет раскачиваться и предоставит ей месяцок-другой, во время которого она триста раз передумает и нарушит их договоренность.

Вчера, когда она приняла решение, у нее возникло ощущение, что в ее тело кто-то вселился. Какая-то безрассудная и безответственная дамочка, которая вышвырнула здравый смысл на помойку, заткнула ей рот и сказала: «Да, Рафаэль, конечно, я согласна на эту нелепую затею».

Лотти подозревала, что утром будет глубоко сожалеть о своей поспешности. Но бессонная ночь вознаградила ее не только темными кругами под глазами. В эти холодные сумеречные часы она сконцентрировалась на проблеме, увидела все яснее и четче, чем раньше. Она поняла, что Рафаэль прав. Она действительно хочет быть матерью, и, хоть в этом страшно признаться даже себе самой, больше всего на свете она мечтает стать матерью ребенка Рафаэля.

И это ее шанс добиться желаемого – единственный шанс дать жизнь последнему эмбриону. Отказаться сейчас – значит навсегда закрыть дверь в будущее мечты, согласиться на то, что их эмбрион надо уничтожить. А на это она не пойдет никогда. Даже странно, что сейчас она чувствует это с такой силой. Ведь они идут на невероятный риск. Но что обычно говорят в таких случаях? Что больше всего мы сожалеем о том, что не сделали, чем о том, что сделали. Что ж, в этом ее никто не обвинит – не в этот раз. Никоим образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.